

но и «для всех и каждого», успешно реализовалось самим Грановским.

Тенденции к признанию значительной роли материального фактора и к сближению истории с естественными науками, присущие Т. Н. Грановскому с начала его деятельности, заметно усилились в последние годы его жизни. В актовой речи 1852 г. Грановский подверг решительной критике предшествующую историографию, начиная от античных авторов и кончая Б. Г. Нибуром, К. Риттером, Г. Галламом и Г. В. Гегелем, за чисто политическое освещение истории. Последнего еще резче, чем прежде, он критиковал за стремление вставить историю «в рамки произвольного построения»²¹. Вся же предшествующую историографию он критиковал за примитивно-дидактический или иллюстративный подход к истории, но главное — за недостаточную ее научность и игнорирование достижений естественных наук²². Сблизить историю с естественными науками, поставить ее в один ряд с ними — в этом едва ли не главный пафос данной речи²³.

Отходя от чисто идеалистической трактовки истории, ученый подчеркивал в этой речи двойственную основу развития общества. История для него, с одной стороны, «свободное творчество духа человеческого», а с другой — содержит в себе «независимые от него данные природой условия его деятельности»²⁴. В связи с этим Грановский требовал от историков широкого использования новых методов исследования: историко-географического, антропологического, сравнительно-исторического и, особенно, статистического. Лишь применение этих методов позволит, по его мнению, сделать историю точной наукой. При этом сам он широко использовал в этой речи данные географов Бэра и К. Риттера, антрополога В. Ф. Эдвардса, ботаника Д. И. Мейера и других ученых-естественников.

Все содержание речи 1852 г. свидетельствует о том, что ученый к этому времени сделал определенный шаг в сторону признания роли материального фактора в истории. Однако материалистические тенденции сосуществовали у Грановского с идеалистическими. Его общесторическое мировоззрение приняло форму дуализма, характерного в это время и для наиболее передовых буржуазных историков на Западе, также стремившихся превратить историю в науку. Однако русский ученый в отличие от большинства историков-позитивистов, развивавших сходные взгляды на Западе, не утратил при этом, как отметил еще Е. А. Косминский²⁵, своего диалектического понимания истории, избежав плоского эволюционизма, характерного для позитивистской историографии.

²¹ Там же, с. 25.

²² См.: Там же, с. 26.

²³ См.: Там же, с. 19—22.

²⁴ Там же, с. 26.

²⁵ См.: Косминский Е. А. Указ. соч., с. 431.